

Элина Наумова

КВАРТИРА.
КАРЬЕРА.
И ТРИ
КАВАЛЕРА

Если отрешиться
от секса, который
не заведет в ЗАГС,
перестанешь
быть женщиной.

Ваша Э. Наумова

Эллина Римовна Наумова

Квартира. Карьера.

И три кавалера

Серия «Госпожа удача»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30096935

*Квартира. Карьера. И три кавалера / Эллина Наумова.: «Э»; Москва;
2018*

ISBN 978-5-04-092077-8

Аннотация

Москва – город, в котором не бывает чудес. Однако умом и трудом в нем можно кое-чего достичь. За десять лет жизни Катя Трифонова добилась больших карьерных высот и стала владелицей трехкомнатной квартиры в центре столицы. Вот только с любовью никак не складывалось. Сколько ни размышляй, сколько ни бейся, умом и трудом любви не создашь. Катя встречалась с двумя мужчинами, пытаясь выбрать лучшего. А в это время неизвестный маньяк пугал ее, заваливая прекрасными розами. И когда Катя почти отчаялась найти любовь и защиту, наступила развязка, которой никто не мог ожидать.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	23
Глава вторая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эллина Наумова Квартира. Карьера. И три кавалера

В оформлении издания использована иллюстрация *Марины Павликовской*

Пролог

То детское воспоминание уже давно не преследовало Катьку Трифонову, взрослую тетю тридцати трех лет, не догоняло и не мучило вопросом: «Что плохого сделала мама?» Отстало постепенно, заблудилось во времени. Ответ перестал быть нужен и, разумеется, сразу же нашелся: «Что сделала, то и плохо».

Случилось это в новогоднюю ночь. Тогда маме было тридцать, а Кате десять. Нежная женщина слегка перебрала шампанского. И в этом святом состоянии тихонько подпевала нелепо наряженным людям на телеэкране. А те исполняли заунывные древние песни. У девочки возникло колкое ощущение, что, если от любви так выглядят и так ноют, то ну ее, хваленую. Казалось, между любовью и бесконечными отчаянными расставаниями с невыносимой тоской можно было ставить знак равенства.

Пока Катя разочаровывалась в неведомом еще чувстве, мама схватила за рукав проходившего мимо ее кресла папу. И начала многословно вспоминать, когда впервые услышала каждую мелодию. По мере перечисления из ее глаз текли слезы, а губы улыбались. Катя такого никогда не видела. Папа вырвался и скрылся в кухне, отчетливо буркнув: «Сентиментальная дура». В его тоне было столько брезгливой зло-

бы, что Катя вздрогнула. «Зато ты у нас несентиментальный умник, – неожиданно визгливо крикнула ему в спину мама. – Заодно и бездушный!» Но сразу махнула рукой, приложи-лась к бокалу и завела про милого, спустившегося с горочки. С ним ей тогда было явно гораздо лучше, чем с мужем.

Утром Катя открыла словарь на букве С. Значение слова «слащавый» озадачило. Девочка определила бы состояние мамы как горькое. Со значением слова «сентиментальный» Катя согласилась. Да, вполне терпимо – подумаешь, чувствительность на разные лады. Но почему голос папы звучал так ужасно? Будто сентиментальность не только верная компаньонка глупости, но и проступок. Вина и стыдная беда одновременно. Катя ничего не поняла. Но запретила себе многословно откровенничать даже с подружками. Особенно, когда возникает настроение болтать и выбалтывать. На всякий случай. Еще не хватало распахнуть душу при какой-нибудь Машке, Ирке, Галке и услышать в ответ: «Сентиментальная дура».

Давалось следование запрету тяжело. Смысл девчачьей дружбы в искреннем трепе. Но постепенно вошло в привычку. А потом, как водится, стало натурой.

У любого человека есть ощущение собственной судьбы. Кате представлялось, что ее жестокая безумная сволочь-судьба играет с ней, как с мячиком. Хватает и зашвыривает куда подальше. Потом долго ищет, рассматривает, подбирает и вновь бросает. Ее дело быть тугой и твердой. Не

разбиться и не расплющиться о землю. Бодро катиться вперед по инерции, упиваясь тем, что ты сама на что-то способна. Не дать себя раздавить, пока валяешься невесть где и ждешь следующего полета. А куда денешься? Мыслительница рано догадалась, что, забудь ее судьба под каким-нибудь лопухом навсегда, будет гораздо хуже. Приходилось лелеять в себе упругость и твердость. О сентиментальности даже речи не шло. Презренное качество.

Но, прописавшись в центре Москвы в собственной квартире, Екатерина Трифонова впервые сломалась.

Был августовский вечер пятницы. За окном сложно шумел дождь: струи тихо похлопывали друг друга по бокам и звучно плюхались на асфальт. Из открытого окна тянуло прохладой. Она уже не сулила облегчения в жаркой городской плавильне, но вызывала щемящие подозрения, что на этом благодать запросто кончится. Будет лить до сентября, до октября, до ноября... Словом, прощай тепло, бабье лето теперь является не каждый год.

Девушка бездумно взяла плотный лист бумаги, уселась за письменный стол и аккуратно вывела: «Мои прекрасные москвичи, которым я буду благодарна до смерти. И, наверное, после». Прочитала, недовольно фыркнула, скомкала испорченный листок, достала чистый. Ее расстроил и рассердил не смысл написанного. Что чувствовала сквозь подступивший к горлу комок, то и выразила. Каких москвичей она собиралась перечислить? Своих, ставших любимыми, едва

ли не родными. Есть за что говорить им спасибо каждый день? Конечно. В нее мама с папой столько не вложили. А эти, чужие, дали все, что она знала и умела плюс работу и крышу над головой. Катя полагала, что никогда не докатится до наглой мысли: «Благополучные интеллигентные люди старались не ради меня. Им важно изредка демонстрировать нержавеющую порядочность самим себе, друзьям, врагам. Будь я тупее и слабее, ничего не получилось бы. Дело не в них, во мне».

Нет, все она написала правильно. Но каллиграфия! Буквы были кривенькие-косенькие, разной высоты и почему-то норовили не соединяться черточками, но обособиться. А ведь у хронической отличницы Трифоновой был лучший почерк в классе, в медучилище, в поликлинике. Все восхищались и завидовали. Катя, безжалостно усмехаясь, шутила: «По почерку определяют характер. У меня – идеальный». Шутку понимали не все. Некоторые считали ее заносчивой.

«Отвыкла, – удивленно подумала девушка. – Сколько лет не писала, только набирала на клавишах и экранах. С ума сойти. Так хочется красиво изобразить добрые слова, чтобы застеклить в рамку и повесить на стенку. Но не получается, не получается, не получается». Троекратное повторение сработало как заклинание. Девушка вновь написала свой трогательный заголовок. Получилось почти так же. Однако добиваться совершенства она не стала. Продолжила медленно и старательно, все больше увлекаясь процессом. Хотя пальцы че-

рез несколько минут заломило от напряжения.

«Анна Юльевна Клунина.

Мой первый доктор в моей первой поликлинике на окраине Москвы. Научила честно пахать за символическую зарплату. И не бояться ни начальства, ни коллег, ни пациентов. Показала, как пользоваться столицей. Ее театрами за небольшие деньги и громадными пространствами бесплатно. А то я сидела в общежитии безвылазно и уже не соображала, зачем сюда приехала. Когда умер Андрюша, и я загибалась в комнате на десять копеек от несправедливости жизни, одной-единственной фразой отвадила от спиртного. Это как же надо меня знать и любить, чтобы десятком слов раз и навсегда вернуть в разум. Могучая женщина!

А когда она по собственным связям ушла в частную клинику, договорилась и обо мне. Должна была проститься, не было смысла тащить в новое место балласт. Но не бросила. Я стала операционной сестрой, о чем бесполезно мечтала, сидя на терапевтическом приеме. Первые нормальные деньги, первое снятое жилье, в котором я была одна за закрытой, а не открываемой каждые пять минут с пинка дверью, – все благодаря ей.

Потом, хоть она и отрицает свое участие, порекомендовала меня в главные медсестры. Если не с ее подачи, то как вообще руководство узнало о моем существовании? А было наверняка так: ее назначали заведующей отделением. И упоминали, что нужна главная медсестра, далекая от пенсион-

ного возраста. Доктор опять назвала мое имя, хотя мы давно не работали вместе. И презентовала, как надо. Она умеет убеждать. Я уж и не знаю, за нее мне до последнего вздоха молиться или на нее.

Андрей Валерьянович Голубев. Андрюша.

Когда мы встретились, ему было за шестьдесят, мне – за двадцать. Ну и что? Он был настоящим любовником. Мы ложились на широкую кровать, на чистое белье, а не перепихивались в машине или на диване в съемной квартире очередного молодого приятеля. Там в голову не приходило даже намекнуть на то, что хорошо бы простынку постелить. Может, и к лучшему, что я не видела тех простынок. Наверняка были мятыми и грязными.

Андрюша был ласковым и неторопливым автором моего первого в жизни оргазма. Всему, что я умею в постели, научил он. Этот наставник не ограничивался сексом. Я жила у него, он кормил меня, одевал и баловал подарками. Сам читал запоем и меня пристрастил. И еще часами со мной разговаривал! После него у меня с мужчинами было много чего. А спокойного долгого общения и разговоров на любые темы не случилось.

Казалось бы, живи и радуйся. Но я бесилась. Ох, как я бесилась. У него возле телефона лежала записная книжка с десятками имен, фамилий, адресов, номеров. Сначала я ее с изумлением листала – сколько контактов у человека. Даже учитывая его возраст, многовато получалось. Надо было

беречь каждого встречного-поперечного, чтобы она так распухла. А потом уж стала замечать, что в мое отсутствие он принимает гостей – в сушике оказывались то бокалы, то чашки и десертные тарелки из сервиза. Чудеса! Я должна была стесняться показывать ровесникам старика, а не он прятать от своих, пожилых, молодую девушку. Молчала только из гордости: не считает достойной, и не надо. Но как-то высказала свою обиду. «Для начала познакомься с ними заочно», – предложил он. И каждый вечер я выбирала из книжки имя, а он рассказывал про этого человека. Господи, чего только с его друзьями не случалось. И всегда они проявляли лучшее качество – доброту. Вот просто добрыми были, просто помогали людям в беде, не нутужно, не в ущерб себе, а как-то естественно и даже весело.

Когда случалось забегать в общагу, я пересказывала все девчонкам. Иногда, наслушавшись, вся комната ревмя ревели от умиления. Особенно любили историю о том, как бизнесмен Антон Красильщиков подарил начинающей журналистке пишущую машинку. Ее все приятели послали. Даже у себя напечатать статью не разрешили. У каждого нашлась причина. А Красильщиков заметил, что женщина плачет, усадил в свой «Мерседес», выслушал. Потом принес машинку и подарил. И ничего взамен не требовал. И у девушки отличная карьера сложилась после этого.

В общем, шло к тому, что Андрюша пропишет меня у себя, завещает квартиру или вдруг да женится. А он как-то

днем пришел с работы, приготовил нам ужин, лег отдохнуть до моего возвращения и умер во сне. Я нашла его уже остывающее тело. Бросилась звонить распрекрасным друзьям. И выяснилось, что таковых не существовало – трубки поднимали какие-то левые чуваки, то есть другие граждане. Андрюша их всех выдумал, не захотел признаваться, что абсолютно одинок. Когда я стала доставать его вопросами, начал имитировать вино- и чаепития. А «выдать» что-нибудь про любого персонажа ему было легко. Московский книгочей и девочка со средним специальным образованием из провинции... Не могла я догадаться, что слушаю сказки...

Думала, все улеглось и успокоилось. Но вот пишу и не могу... Одно дело по крохотным кусочкам вразнобой это припоминать, а другое – последовательно целиком. Конечно, в итоге пришлось среди ночи беспокоить Анну Юльевну. Она посоветовала, что делать.

Так накрылась медным тазом моя двухкомнатная квартира с ремонтом. Я вернулась жить в общежитие и проклинать себя, невезучую доверчивую идиотку.

Кирилл.

Мразь – вот его сущность. Как этого подлеца зовут на самом деле, я не имею представления. Он играл в свои игры и врал мне с первой секунды знакомства. Нет, сначала искал меня в поликлинике и общаге, выслеживал около клиники и дома, изобретал повод заговорить, а потом только врал. Корыстный лживый выродок. Преступник. А я влюбилась до

безумия. Никогда никого так не любила ни до, ни после. Это был маниакальный психоз, я бредила обаятельным скотом круглосуточно. Дышала полной грудью только при нем, а без него обмирала и часто забывала вдохнуть. Не-ет, любовь в первой стадии – не душевная болезнь. Там душа вообще не задействована, только то, что ниже живота. Может, потом неумная жажда быть вместе поднимается выше, к сердцу. Не успела выяснить.

Моя квартирная хозяйка тогда надолго уехала, и Кирилл перебрался ко мне в комнату. Как заливисто пел про Пражский университет и раскладушку у строгой тетушки, гад. Якобы студент, торчал дома, пока я работала в клинике, в операционной. А вечером у него чередовались приступы страстного желания близости и нуднейшей ревности. Он будто доставлял наслаждение и тут же наказывал за него допросом: «Кто у тебя был до меня? Сколько? Каких?» Я рассказала про Андрюшу, чтобы отвязался. Нельзя же соперничать с покойным пенсионером. Он непоправимо слетел с катушек. Умер? Сам? Значит, ты его не бросала, значит, все еще любишь? Наверняка взяла на память ту дурацкую записную книжку. И, если не признаешься, значит, действительно не забыла развратного старикашку.

Потушить этот пожар не удавалось. Надо было бросить в огонь свое последнее и ждать, когда все сгорит дотла. Книжку я действительно взяла. Но развлекать молодого бугая великим одиночеством Андрея, смотреть, как он с глумливой

небрежностью листает страницы, было не в состоянии. Еще потребует торжественно уничтожить этот кусок прошлого, к которому не имеет отношения. Я ведь не только Андрюшу предала бы, но и себя. Пришлось купить в магазине обычный блокнот и сделать то, что когда-то сделал Голубев, – вписать любые имена, фамилии, адреса и номера. Из сочиненных им персонажей я помнила только Антона Красильщикова, который изящно выручил несчастную журналистку. Его я внесла в свою подделку с удовольствием, снабдив адресом пустующего дома в соседнем дворе. Не мудрствуя лукаво, поселила парня в третью квартиру – видела на ней роскошную старинную латунную табличку с номером, когда заглядывала в подъезд. Потом старила бумагу обломком кирпича, желтила горячим утюгом, царапала обложку иголкой и добилась нужной потрепанности. Утром выложила результат вечерних трудов на стол, дескать, ладно, твоя взяла, упрямец Кирилл. И ушла на работу.

Возвращалась чуть раньше, чем обещала. И во дворе увидела, как любимый со своей набитой сумкой поворачивает за угол. Я поняла, что он бежит от меня. Кинулась за ним. Он дошел до «дома Красильщикова». Москвичей-то из него выселили, но гастарбайтеры с ближайшей стройки жили припеваючи. Сначала поселились мужчины в одной комнате. Человек десять. Потом их стало гораздо больше, и они заняли все этажи. Чуть позже появились женщины с детьми. Пестрая компания – кто в джинсах, кто в короткой юбке, кто в

шароварах, платье-балахоне и платке. Перед полицейскими рейдами их предупреждали. И тогда они толпились в нашем дворе. Стояли или сидели на корточках тихо-тихо. А через полчаса спокойно возвращались к себе. Почему я затормозила и вспоминаю ерунду? Мне до сих пор неприятно думать о том, что произошло дальше. В открытое окно я тупо наблюдала: Кирилл ворвался в третью квартиру, в кухню, выдрал вентиляционную решетку и долго щупал пустоту... Не выдержав странного зрелища, я понеслась домой. Вещи Кирилла исчезли. На полу валялась записная книжка. Из нее был вырван единственный листок. Разумеется, с адресом Анто-на.

Через минуту вернулся мой окончательно свихнувшийся любимый. Он вопил гнусные ругательства и требовал оригинал. Я держалась твердо: у меня его нет, остался возле телефона Андрея Валерьяновича. Да, каюсь, подделала, чтобы угодить ему, Кирюше. Думала, угомонится. И будем мы жить долго и счастливо. Я не призналась, что следила за ним. Не от большого ума. Просто тогда было важнее неумолчно клясться ему в любви. Он озверел и со всей дури вцепился в мое горло. Задушил бы, гад. Я уже теряла сознание. Но тут маленький и трусливый двортерьер Журавлик, которого хозяйка оставила на мое попечение, вполз в кухню и отвлек убийцу. Журавлику самое место в перечне благодетелей. Он мне жизнь спас. Кирилл сбежал. Я еле оклемалась.

Почему я вписываю мерзавца в этот «благодарственный

лист»? Потому что без него не узнала бы, что Андрюша не психотерапией занимался, выдумывая себе друзей. А скрывал единственный реальный адрес в огромном количестве ложных. По нему за кухонной вентиляционной решеткой было спрятано нечто. Ради него можно было убить человека, женщину, с которой... Хватит... После нападения мне удалось привести себя в форму слишком дорогой ценой. И без Александрины я не справилась бы.

Александрина Барышева.

Она была первой москвичкой, которая не сдавала мне жилье, а снимала со мной на равных. Обшарпанная, но уютная квартира на Большой Садовой. Две изолированные комнаты, совмещенный санузел, просторная кухня. Что еще нужно трудящимся с утра до вечера девушкам. Соседствовали всего год, изо всех сил пытались друг другу не мешать. Но сколько приключений пережили – и страшных, и забавных. Она вытащила меня из ямы, в которую столкнул проклятый Кирилл. Иногда тянула из последних сил. Заметно было, как от напряжения набухали сосуды на руках и висках. Я после того, как он меня едва не задушил, почти свихнулась. Боялась ходить по улицам вечером. Ждала, что он или его сообщники меня убьют. А соседка была самым легким человеком, какого мне довелось встретить. Она словом обращала пригоршню вонючей липкой грязи в песок. Тот мгновенно высыпался сквозь пальцы, оставляя чистыми и сухими ладони и душу.

Мы никогда не говорили о прошлом и не старались по-дружиться. Наверное, поэтому я считаю ее своей лучшей подругой. И Мирона не жалко было ей отдавать. Она хотела его честно, поэтому я за него спокойна.

Мирон Стомахин.

Слишком образованный сын неприлично богатых родителей. И внук непристойно богатых дедушек и бабушек. Мы встречались раз в неделю, но для этих куцых свиданий он снял громадную квартиру. Я лежала в спальне и через открытую дверь разглядывала рождественскую елку в дальнем углу гостиной. И пышное трехметровое дерево казалось мне не очень большим. Еще никогда не забуду первое соприкосновение щеки с натуральным шелком наволочки. Гладкая прохлада расслабляла мгновенно. До сих пор не верится, что у тех, кто с детства спит на таком белье, могут появляться морщины. Эти счастливицы должны жить вечно, им не с чего умирать.

Мирон любил меня так же, как я Кирилла. Нет, сильнее. Увидел на вечеринке мельком, захлебнулся счастьем, надолго потерял, искал, отчаялся найти. Он страдал по-настоящему. Я тоже, но иначе. Мой мерзавец предал, я собирала в кучу растоптанную себя. А Стомахин о себе не думал, только обо мне.

Я потянулась к нему, думала, его чувство спасет, как живая вода. И зарастут раны, и задышат легкие, и можно будет открыть глаза, подняться с земли и спросить: «Что это

было?» Я истово пыталась в него влюбиться. Но не получилось. Кроме обреченности ничего во мне не было. Терзать его дальше холодностью и отстраненностью, а потом награждать за терпение качественным сексом было бесчеловечно. Я чувствовала себя проституткой. Накануне разрыва Александрина попросила познакомить ее с Мироном. Твердила, что я делаю глупость, отказываясь от идеального парня. Собиралась быть мостом между нами на случай, если опомнюсь. Я познакомила. Они начали строить мост.

А меня накрыло свободой от Мирона и от своей ущербности. Чем еще можно считать неспособность ответить на любовь, зарядиться энергией, к которой подключилась напрямую? Но судьба считала, что подарила мне Стомахина от царских щедрот. И предложила еще раз задуматься, не напрасно ли я отвергаю этот дар. Однажды ночью позвонила Барышева. Мирон умирал у нее на глазах. Я ринулась в ту самую, снятую для встреч квартиру. Благо она была в двух шагах. Он валялся на полу без сознания. Это был явный передоз. Потом выяснилось, что мальчик переборщил с антидепрессантом. Но тогда я твердо сказала – наркоман. И реанимировала, то есть сделала не прямой массаж сердца, искусственное дыхание и промыла желудок.

Еле живая от потрясения Барышева вызвала его родителей. Мирон так и не пришел в себя, но порозовел и спал. У меня был выбор: представиться родителям спасительницей их сына или предоставить эту роль Александрине. Я пожела-

ла Александрине удачи и пошла домой. Через пару месяцев Барышева и Стомахин поженились.

Иван.

Оставшись без Мирона и Александрины с перспективой искать новую соседку, я решила, что готова наведаться в кухню по реальному адресу Антона Красильщикова. Оказалось, это совсем недалеко, только Тверскую перейти. Старый капитально отремонтированный дом мне понравился. В квартире, которых на этаже было всего две, мог жить кто угодно. И все-таки я растерялась, увидев полупрозрачную больную раком интеллигентную даму. На мою удачу, она нуждалась в помощнице, которая сможет водить ее на прогулки. Я стала верной спутницей. И ждала возможности добраться до тайника за вентиляционной решеткой. На душе кошки скребли, но я искренне считала себя законной наследницей того, что спрятал за ней Андрюша.

Однажды хозяйка заметила, что я не в меру печальна. Спросила: «Несчастливая любовь? Ты не беременна?» Я ответила: «Нет». Она рассказала, как в юности напилась и переспала с парнем. Наутро расстались. Больше не пришел не только он. Месячные тоже надолго задержались. Аборт не сделала, родила мальчика, назвала Ванечкой. А через двадцать с лишним лет затеяла ремонт. И кто явился с бригадой рабочих? Отец ребенка. Узнал давнюю случайную подружку. Она призналась, что у него есть сын. Велела ничего Ване не говорить. Он обещал.

История призвана была доказать мне, что в жизни бывает всякое, и оно – к лучшему. Я бы так ее и восприняла. В трудные минуты вспоминала бы, что кому-то досталось от судьбы посильнее. Если бы незадачливого любовника не звали Андреем Валерьяновичем Голубевым. Получалось, что он спрятал клад у своей женщины и своего сына. Мне там делать было нечего. Но очень уж любопытно стало, из-за чего меня чуть не задушил мой подонок.

Когда хозяйка легла в клинику – обычные анализы и процедуры, я все-таки сняла эту чертову решетку. И помахала рукой в воздухе, как Кирилл. Зря грешил, злосчастный урод, в настоящем тайнике тоже было пусто. Я даже не расстроилась. Все слишком усложнилось, когда выяснилось, что тающая на глазах женщина и ее живущий в Америке сын Андрюше не чужие. Только она из больницы не вернулась. Иван прилетел в Москву накануне ее смерти. Наутро позвонил мне, сообщил, что лишился мамы.

После поминок мы с ним остались вдвоем. Я робела. Миллиардер, в общем-то уже американец русского происхождения. Вокруг свора лопающихся от важности помощников. Но он их выдворил. Хотел говорить о маме без помех. Я еще никогда так не маялась при человеке. Наверняка видимся первый и последний раз. Если я сейчас промолчу, Иван никогда не узнает, что его папа тоже умер. Даже, кем он был, не узнает. И я рассказала ему, как жила с Андрюшей, как нашла его мертвым, как хоронила одна... Про Антона Красильщи-

кова и Кирилла выложила все-все. Иван в ответ поведал, что отец данное матери слово не сдержал. Представился. Объяснился. Соорудил тайник и оставил в нем деньги. Условились, если через определенное время за ними никто не придет, Иван волен тратить все. Он условие выполнил. Сумму не назвал, но хватило, чтобы раскрутиться в Москве, а потом преумножить состояние в Штатах. Кстати, тем самым Антоном из самой трогательной истории был он. Действительно выручил паниковавшую журналистку. Единственная правдивая история моего Андрюши. Про родного сына.

Трудный и нервный у нас тогда выдался вечер. Но мы дооткровенничались до того, что сын Андрея Валерьяновича Голубева отдал мне квартиру своей матери. Заставил справедливость восторжествовать. Бог – мой единственный свидетель: я решительно отказывалась. Иван сумел настоять. И теперь я владею отличной недвижимостью в центре Москвы. И все еще в это толком не верю».

На следующее утро Катя прочитала исписанные листы. И сердито поморщилась. Все было правдой. Только казалось, что, общаясь со своими «прекрасными москвичами», она должна была периодически испытывать счастье. Или хотя бы беззаветно радоваться. Вон сколько добра ей сделали, как любили и заботились. Но тогда она была так нагружена своими горестями, что не замечала этого. А теперь... Вчера щипало в носу и глазах, шевелилась замершая душа. А сегодня

уже нет. Трифонова собралась порвать записи, но остановилась. Положила на дно ящика письменного стола под всякий бумажный хлам. Не потому что собиралась изредка оживать ими благодарную память. Так она уважила собственное потраченное на чистописание время. Время, которого ей всегда не хватало.

Глава первая

В дверь кабинета постучали. Вошла секретарь... Хотя какой это кабинет, какая дверь. Секретарь тем более никакая. Тонкая раздвижная панель делила прямоугольник, называемый офисом, на два квадрата – большой и маленький. В большом трудилась главная медсестра частной клиники, в маленьком – ее личный помощник. И никто не рискнул бы назвать девицу помощницей. У той на лице недорогой, но качественной косметикой было четко написано, что помощницы бывают по хозяйству, а не по серьезной медицинской деятельности. Столь высокое самомнение, безусловно, питало то, что в клинике не только к личным помощникам начальства, но и к санитаркам, и к регистраторам обращались по имени-отчеству. Что еще надо в двадцать лет, чтобы чувствовать себя человеком не только на вечеринке с девочками и мальчиками, но и на работе с мутными тетками и замотанными дядьками.

Девушку звали Карина Игоревна Иванцова. Она третий раз подряд провалилась на вступительных экзаменах во ВГИК и теперь грозилась «подтянуть рисунок со знакомым мэтром» и поступить в художественное училище. Но, вероятно, ей лучше было бы податься в романистки: слишком уж внимательно смотрела она на людей, выходявших от главной медсестры. И чем более понурый у них был вид, тем явствен-

ней разгорался мрачноватый огонек фантазии в глазах юной Карины Игоревны.

Сегодня намечалось увольнение. И возможность наблюдать признаки трагедии в облике устремившейся к выходу жертвы злобной главной медсестры будоражили еще не нашедшую себя творческую личность.

– Екатерина Анатольевна, Перова дома, ждет моего звонка и готова приехать, как только, так сразу. А Моисеенкова только что пришла. Сейчас примете? – хищно прищурившись, спросила Карина.

– Да, зовите, – кивнула из-за стола Катя Трифонова и выпрямила спину, хрустнув ядрено накрахмаленным белым халатом.

Она полагала, что Иванцову не брали в киноактрисы из-за внешности. Та была где-то метр пятьдесят семь – пятьдесят восемь ростом, худенькая и заметно сутулилась. Но не это главное. Девушка изумляла узким бледным лицом, высоким чистым лбом, большими светло-кариими глазами и красиво очерченными губами. Однако посреди этого великолепия нахально торчал короткий толстый курносый нос. К такому лицу надо было привыкать долго. Пока не оставляло желание выматерить генетику последними словами и тактично намекнуть на достижения пластической хирургии. И пока взгляд не начинал автоматически фиксироваться на прекрасных глазах и бровях или на точеном подбородке и сочном рте даже при неожиданной встрече с Кариной.

Но девушка, неизбежно исстрадавшись в подростковом возрасте, сумела свой нос принять. И на собеседовании сразу заявила Кате:

– Вы только представьте на его месте то, что должно было бы быть. На кого я, такая вся из себя идеальная, стану похожа? На ожившую статую с кладбища? Там таких белых красоток много. А у меня неповторимые черты. И, знаете, мужчины это понимают и ценят.

– Ну, лишь бы им было хорошо, – ответила Трифонова.

Карина весело рассмеялась. И Катя поняла, что возьмет ершистую артистку, хоть в коридоре и сидело полтора десятка разных женщин. Многие обликом и умными взглядами соответствовали должности гораздо больше, чем Иванцова. Им хотелось спокойно и долго работать в частной клинике. А девчонке не очень.

Карина без затей сообщила своей потенциальной начальнице, что любые обязанности для нее – рутина. Ей все равно – тарелки в кафешке мыть, подносы с едой таскать или сводить в таблицы отчеты и заявки всех отделений. Последнее лучше только потому, что есть стимул – быстро все закончить и перекинуться парой сообщений с друзьями. Смартфон из рук она не выпускала никогда.

– Не беспокойтесь, я не намерена халтурить, – строго предупредила девушка. – Вы же не виноваты, что у вас такая тягомотная, неинтересная и скучная работа. Она будет сделана честно и вовремя...

– А за счет чего быстро? – насмешливо поинтересовалась Катя.

– Любой процесс можно интенсифицировать, на то он и процесс, – довольно ехидно ответила претендентка.

– Ладно, интенсифицируйте не в ущерб качеству.

Трифонова не ошиблась, Иванцова не подвела. Они легко сработались.

Теперь Карина впустила Моисеенкову и чуть помедлила, будто ловила флюиды ее растерянности, а то и страха. Ничего не почувствовала и с торжествующим видом ушла к себе ждать. Выход невозмутимой сотрудницы обещал быть гораздо интереснее появления.

Кате предстояло не развлечение, а очередная нудная беседа о соответствии занимаемой должности. Моисеенкова оказалась ухоженной сорокасемилетней женщиной. Ее тело начинало игриво полнеть. Но, поскольку одежда привычного размера все еще с трудом застегивалась на нем, сознание благодушно молчало. Да, приближался момент, когда оно впервые рывкнет: «Хватит жрать! Не оскотинивайся, какие твои годы!» Только после тридцати уже трудно останавливаться.

Уголки губ медсестры совершили привычное Кате нервное движение – рывок вверх и сразу вниз. Оно маскировало вмиг накрывавшее зрелых дам облегчение: эту соплюху карьеристку они легко поставят на место.

– Выз... Здравствуйте, – сказала Моисеенкова.

Ей было невозможно спросить: «Вызывали?» Хотя привыч-

ка общения с начальницами в государственных поликлиниках чуть не сработала. А ведь здесь на административные этажи приглашали: «Зайдите, пожалуйста»...

– Добрый день, Ирина Евгеньевна, садитесь, – Катя умела терпеть наивные выверты подчиненных. Все они считали себя хитроумными чтицами по лицу. Но Катя была хитрее. Моисеенкова, конечно, догадывалась, о чем пойдет речь. И надеялась отбрехаться. А Трифоновой предстояло выбрать, кто завтра будет работать. И, не дожидаясь, пока медсестра устроится в кресле напротив, она продолжила: – Вы постоянно опаздываете...

– Редко, а не постоянно.

– Вот данные из регистратуры. Раз или два каждую неделю – это часто...

– Мне старшая медсестра сделала всего пару замечаний. А заведованием ничего не говорил, – безмятежно ответствовала Моисеенкова.

– А сколько замечаний она должна была сделать? Десять? Двадцать? Сто? Тысячу? На которое из них вы собирались отреагировать? И при чем тут заведующий? Нарушением дисциплины вы добивались его особого внимания? Напрасно. Средним медицинским персоналом занимаюсь я. Привлечь мое внимание вам удалось. Объяснитесь, – Трифонова вдруг поняла, что устала говорить одно и то же взрослым нормальным бабам, у которых никак не получалось добраться до клиники вовремя.

– Послушайте, Екатерина Анатольевна, вы же сами знаете, что творится в Москве с транспортом.

– Разумеется, – кивнула Катя. – И страдают от этого все. Но другие сестры как-то ухитряются очутиться здесь до начала приема. И врачи в этом преуспевают. И даже наши занятые обеспеченные пациенты являются в назначенное время. Им-то каково из загородных коттеджей сквозь пробки.

– Когда болеешь и жить хочешь, явишься, – Моисеенкова все еще не защищалась, а учила молодую выскочку уму-разуму.

– Вы читали свой контракт? – не отставала та. – В нем черным по белому изложены ваши обязанности. Например, подготовить кабинет...

– Это несерьезно. Доктор в состоянии сама включить компьютер.

– И кварц?

– Ну...

– То есть ваш кабинет не кварцуется?

– Нет, старшая всегда проверяет... Если кабинет еще пустой, она сама...

– То есть кварц за вас включает и выключает старшая медсестра, а компьютер – доктор? Не переломятся, да? А вы вваливаетесь на прием, здороваетесь, отвлекаете врача и больного. То есть демонстрируете, что в клинике бардак. Несерьезно?

– Я же не нарочно опаздываю! – Моисеенкова почуяла

недоброе и резко ломанулась в оборону.

– Надеюсь. Ирина Евгеньевна, кроме опозданий к вам претензий нет. Я не люблю терять сестер, потому что это напрягает врачей. Слишком часто знакомиться с новыми помощницами им хлопотно. И я добиваюсь от вас ответа: в чем причина? – гнула свое Катя. – Вы по утрам помогаете немощным родителям? Отводите в садик внуков?

– Намекаете на то, что я пожилая? Выбиваете из-под ног почву? – лицо Моисеенковой сложилось в истерическую гримасу, на шее выступили красные пятна.

Если она воспринимала этот разговор как борьбу, то одержала первую победу. Главная медсестра чуть растерялась и продолжила с заметным усилием:

– Передо мной на мониторе ваше личное дело, Ирина Евгеньевна. Анкета, которую вы сами заполнили. Дата вашего рождения. Дочь. Ее год рождения. По возрасту можно предположить, что у нее есть дети. Как живо вы отозвались на якобы намек. А на конкретные замечания отвечали вяло. Назовите причину своих опозданий, наконец. Я сейчас работаю, вы тоже. Что мешает вам выходить из дома на пятнадцать минут раньше?

– Почему я должна выходить раньше в ущерб своему собственному расписанию, своей личной жизни? Я уже большая девочка и знаю, сколько времени занимает дорога. Но ведь каждый день что-нибудь – то посреди тротуара яму выроют, то лужа громадная разольется, то в вагон не протиснешься.

А если все нормально, я добираюсь вовремя, даже с запасом.

– То есть вы опаздывали, опаздываете и будете опаздывать?

– Так нельзя ставить вопрос.

– А вопросов больше нет. Клиника сегодня прощается с вами, большая неисправимая девочка, – равнодушно сказала Катя.

– Вы не можете меня уволить! – воскликнула Моисеенкова.

– Не просто могу, а обязана была это сделать еще после трех первых опозданий. Читайте контракт.

– Я буду жаловаться главврачу. Я на вас в суд подам!

– Внимательно читайте контракт.

– И куда я теперь пойду?

– В отделение к своей старшей. Она направит дальше. Я вас больше не увижу. До свидания.

– Увидите, еще как увидите, – пообещала бывшая сотрудница, вскочила и кинулась к раздвижной двери.

А Катя отметила в ежедневнике: «Старшая медсестра покрывает, врач замалчивает, разобраться», чем обеспечила Карине еще одно волнующее зрелище через день-два.

Иванцова впитывала в себя бегство Моисеенковой каких-то жалких три минуты. Короткое наслаждение. Но вид только что уволившей человека Трифиновой занимал ее не меньше. И она возникла в проеме с напряженно приподнятыми бровями. Катя уже сообщала в отделение, что через час

пришлет новенькую.

– Плакала она, Екатерина Анатольевна, – горестно сообщила Карина. – Прямо слезы текли.

Начальница привыкла к ее этюдам. Этот назывался «тихая жалость». А были еще «глубокое сочувствие», «мелкое сострадание» и «поделом ей, суке». Кроме аплодисментов Иванцова ничего не добивалась, но соображала, что клиника не театр, и главная медсестра – отнюдь не зритель. Поэтому Трифонова не обращала внимания на комментарии незадачливой артистки. Сказала:

– Я страшно ее оскорбила. Назвала бабушкой, в смысле решила, что у нее могут быть внуки. А она считает себя девой юной, и ее богатая личная жизнь начинается на рассвете. Звоните Перовой, Карина Игоревна, заказывайте пропуск, все как обычно.

– Хорошо, что у вас есть запасные варианты.

– Это называется кадровый резерв, – объяснила Катя и улыбнулась.

«Yes!» – подумала Карина. Спокойной улыбки чудовища, ломавшего жизни нерадивых медицинских сестер через костлявое колено, ей как раз не хватало, чтобы взбодриться.

А Трифонова вспомнила, как главный врач клиники допытывался у нее перед назначением: «Вы очень молоды. У вас получится увольнять людей? Это довольно неприятное занятие». Катя чуть не ляпнула: «Я не сентиментальная дура». Но ответила толковее: «Если есть за что, то уволю, не

беспокойтесь». Он все-таки позволил себе немного волноваться. Но когда изредка в офисе главной медсестры разыгрывались драмы, Карина звонила его личной помощнице и называла имя изгоя, который может прорываться к боссу за справедливостью. Разумеется, оказывалось, что главврача нет на месте и не будет еще полтора часа. За это время пропуск бывшего сотрудника уже оказывался в руках начальника охраны. Так что не надо бояться повышать в должности молодежь, она способна на все.

Катя едва взялась за штатное расписание санитарок, когда ей позвонил врач из кардиологии. Она встала из-за стола и отошла к окну. За три года приучила себя не раздражаться, когда мешали. С компьютером можно было и дома посидеть, а людей туда не возьмешь.

– Екатерина Анатольевна, извините, что отвлекаю. Но у нас тут гиперактивный родственник. Пациентка не тяжелая, а вот он... Впору предлагать консультацию. Я объяснил, как лечим на этой неделе. Он поинтересовался следующей. Говорю, не переживайте, мы обсудим это с главной медсестрой... Не успел закончить, как он уже выскочил из кабинета и понесся в администрацию. Я послал вам списки препаратов для этой больной – и желательных, и допустимых. Там ничего сверхъестественного нет...

– Все поняла, сделаю, – ответила Трифонова.

Издерганную родню здесь успокаивали всем миром. Ибо, как учил их «великий и ужасный» главврач, неизвестно, кто

из близких платит за лечение. И, удивительное дело, цинизм, приливший к головам медиков при этих словах, на рабочих местах сразу оттек. Тех, кто был не в состоянии обеспечить отток, рано или поздно увольняли. Больные их почему-то не любили, несмотря на чрезвычайную вежливость и необходимость.

Карина несолидно просунула голову в щель:

– Екатерина Анатольевна, к вам рвется посетитель.

Если она даже не пыталась открыть дверь и войти, значит, неведомый спецназовец и впрямь был готов на штурм.

– Впустите его, – сказала Катя. Приглашать явно было излишним.

Голова Иванцовой мгновенно сменилась широким про-светом и мужской фигурой в нем, которая вдруг замерла на пороге. Человек увидел главную медсестру возле большого окна в полный рост – высокую, легко державшую осанку, тонкую натуральную блондинку со светло-голубыми глазами. Красавицей не назовешь, но, слушайте, зачем при таком прочем мордашка Барби. Перебор. И молода, небывало молода для своей должности. У нее была бледная кожа и немного усталый вид. «Модель», – промелькнуло в сознании целе-устремленного родственника из кардиологического отделения. Он не исключал, что придется сойтись в рукопашной с крепкой бабой в доспехах советского опыта извлечения вы-годы из дефицита. А тут – прямо стрекоза на ромашке.

Трифонова смотрела на русоволосого, еще не начавше-

го лысеть парня лет тридцати пяти. Темноглазый, симпатичный, обыкновенный. В хорошем импортном костюме и ботинках из гладкой кожи. Плюс ему, Кате не нравились мужчины в замшевой обуви. Широкоплечий, худой, не выше метра семидесяти пяти, то есть ей до уха. Нервный. Но беспокоится от души, а не срывает на медиках зло в предвкушении избыточного, по его мнению, счета. Иногда такие взрывы скрывают обычное раздражение из-за необходимости таскаться в эту юдоль скорби к нелюбимым людям.

Он встрепенулся:

– Здравствуйте, Екатерина Анатольевна.

– Добрый день. Как к вам обращаться?

– Егор... Егор Дмитриевич. Я работаю в IT-индустрии, мы не привыкли к отчествам.

– Присаживайтесь, Егор Дмитриевич. И подождите минуту, я загляну в письмо вашего доктора. Почему вы так разволновались? За кого?

– За тетушку, единственную сестру моей матери. Если с ней что-нибудь случится, мама заболеет. У нее тоже слабое сердце. Родители живут под Веной, а она не захотела уезжать из России. Ну, вот и доупрямилась почти до инфаркта. Теперь, наверное, уговорим уехать. Но сначала надо ее вылечить.

– Обязательно. Знаете, переезд в другую страну в любом возрасте – травма. Здоровья требует крепкого... Так, поводов для тревоги у вас нет, – Катя читала список, присланный

доктором. – Все препараты есть в наличии.

– А они настоящие? Или индийские и китайские подделки? А то и наши – из индийского и китайского сырья? – не уgomонился племянник.

– О подделках вообще не говорим. Качественные дженерики, бывает, используем с согласия пациента. Но для вашей тетушки найдутся лекарства немецкого производства.

– Я к тому, что привезу откуда угодно все, что нужно.

– Ничего не нужно, поверьте.

– Сестра моего знакомого лежала здесь. И он возил для нее лекарства из Штатов. Ваш доктор посоветовал, в какую больницу обратиться, к какому специалисту. Кстати, русский оказался. Приятель заплатил за консультацию, все официально. Получил рецепт, купил двадцать ампул. Я тоже могу.

Катя поняла, что разговор будет длиннее и неприятнее, чем хотелось. Но знакомый Егора явно не лгал. Проклинать его за это, что ли? Желать, чтобы язык отсох? Она вздохнула.

– Во-первых, я не знаю, о каком случае, о каком диагнозе речь. А это важно. Во-вторых, мы находимся в России. И работаем тут по российским протоколам, независимо от того, государственная клиника или частная. Только по ним. То есть используем препараты, разрешенные Минздравом. Да, количество дозволенного импорта все сокращается и сокращается. Да, дженериков все больше. Да, их качество не самое высокое. Но государство так поддерживает отечественного

производителя, не контрабандой же нам заниматься. Поэтому, если больному нужен короткий интенсивный курс, в основном для закрепления эффекта уже проведенного нами лечения, подсказываем родственникам, что и каким образом купить на Западе. Те самые десять-двадцать ампул. Если за-морский доктор прописал, имеем право использовать. А уж если надо тащить через границу чемодан препаратов, советуем ехать в Израиль, в Германию, в Америку и лечиться там. Часто купуем острую стадию, чтобы пациент мог вы-держать дорогу. И дальше им занимаются иностранные ме-дики. Но это не про вашу тетюшку. Все, что запросит леча-щий врач через несколько дней, у меня имеется.

– Ясно. Вы меня успокоили, – помолчав, недоверчиво ре-шил Егор. Взглянул на Трифонову через стол в упор и вдруг твердо спросил: – Екатерина Анатольевна, могу я пригласить вас на ужин? Обручального кольца у вас нет, поэтому я и ре-шился. С вами интересно и легко. Подарите мне вечер, если не жалко. Я вам что-нибудь про гаджеты расскажу. Раньше на вечеринках народ бросался на медицинских работников за бесплатным советом, а сейчас и нас, компьютерщиков, в покое не оставляют.

От неожиданности Катя засмеялась. Егор был первым, кто захотел встретиться после сеанса утешения. На секунду ей стало жаль, что придется отказываться. И она начала как можно суше:

– Спасибо, Егор Дмитриевич. Но пока мы лечим вашу те-

тушку, никаких нерабочих контактов у нас с вами быть не может...

– Хорошо, когда она выпишется.

«Ты уже не сомневаешься в благоприятном исходе, – подумала Трифонова. – Я не зря старалась». Осторожно сказала:

– Тогда и посмотрим.

– Не дадите номер телефона? Я сам обескуражен своим поведением, но...

– Не дам, – отрезала Катя.

– Понимаю. Обещаю не звонить до окончания лечения без повода. Тогда я зайду в день выписки. Спасибо. До свидания.

Он встал, кивнул и быстро вышел. «Не зайдешь ведь, – про себя возразила ему Трифонова. – Сто раз настроение изменится, сто баб подцепишь за пару недель. А может, ты вообразил, что в надежде на свидание я точно не отдам лекарства кому-нибудь другому? Тогда ты идиот». Но ей почему-то не удалось зацепиться за мысль о глупом и подловатом расчете Егора. В голову пришло совсем другое: «Спасибо Анне Юльевне и Андрюше, хоть общаться по-человечески научили. Складно я изложила про лекарства». Катя не знала, как пугала Александрина манера ее речи. Трифонова говорила на диковинной смеси голубевской книжной зауми и клунинских нарочитых штампов. Только Анна Юльевна употребляла их с милым людям ее поколения и круга сарказмом. А ее незваная ученица повторяла серьезно. Так что

гордиться Кате было нечем.

И то, как говорил Егор, не показалось ей странноватым. А он с некоторым трудом составлял гладкие фразы. Так бывает, когда человек в своей компании использует одни слова, а при нечастых встречах с остальными людьми – совсем другие. Благодаря гаджетам, тайны которых парень обещал раскрыть Кате, со своими можно болтать сутками. И постепенно возникает новый диалект общего языка. Надо же, только-только газеты, журналы, радио и телевизор научили соотечественников хорошо понимать друг друга, а компьютер уже снова разобщает их. Но, пока это далеко не зашло, у Егора Дмитриевича и Екатерины Анатольевны был шанс.

...Ровно в шесть дверь снова отъехала и явила повеселевшую Иванцову.

– Екатерина Анатольевна, я вам больше не нужна?

– Нет.

– Тогда ухожу. До свидания.

– До завтра, Карина Игоревна.

Девчонка ринулась на волю. Катя тоже начала собираться. Обе отдали клинике день жизни. И заслужили вечер, чтобы тратить полученные в ней деньги, и ночь, чтобы отдохнуть от всего.

Глава вторая

На работу и с работы Катя ходила пешком. Если бы посреди проходных дворов не строили черт-те что, если бы всякие мудаки не огораживали свое черт-те что решетками, и если бы ворота в эти самые дворы не запирались хотя бы в часы пик, дорога занимала бы минут пятнадцать-двадцать. В нынешних условиях обособления каждого ото всех получалось вдвое больше. Но полчаса не слишком быстрым шагом – мечта любого труженика, а особенно труженицы. Впрочем, те, у кого дело не вылезает из сознания с утра до ночи, не прочь кататься на машинах. Фантастические дорожные приключения здорово отвлекают от реальности унылых конторских трудов и напряженных взаимоотношений с сослуживцами.

Идя из клиники, Трифонова домой не спешила. Каждый вечер заходила в «Кофе Хауз», устраивалась за столиком и пила зеленый чай. Люди без медицинской униформы, без особого кислого и слегка испуганного – из разряда «чур меня» – выражения, которое неизбежно уродует лица посетителей больниц, казались ей инопланетянами. Ходили, присаживались и совсем не говорили о здоровье. А главное, им ничего от Кати не было нужно. Отдыхай сколько хочешь, никто не протянет накладную на подпись, не заведется по поводу лекарств и прочих специфических вещей. Потягивает

себе девушка бурду невнятного цвета и потягивает. Забывает дневную рабочую суету, ждет подружку или мужика, какая разница. Это так расслабляло, будто голову изнутри массировал одаренный профессионал.

Когда избавиться от мыслей о работе не получалось, Катя думала: «Оставь все здесь. Вылебай хоть десять чайников, закажи пирожков с капустой, съешь мороженое, но за порог кафе это не тащи. У всех горожан полно проблем. Облака дурных настроений клубятся сейчас над нами, смешиваются, и уже не поймешь, где чье и которое грязнее. И постепенно каждому становится легче. А дома будет одна собственная туча негатива. Еще не хватало, чтобы страданиями доставшая тебе квартира наполнилась всякой мрачной гадостью. Нет уж, в нее можно возвращаться или в добром расположении духа, или, на худой конец, совершенно пустой. Договорились?» Этого хватало для того, чтобы перенести битву со служебными обстоятельствами на завтра. Или быстренько решить, что делать. Во всяком случае, до пирожков и мороженого ни разу не дошло. Трифонова любила есть в одиночестве.

Сегодня ей предстояло в хорошем темпе разобраться с обидой на главного врача. Как-то не так он воспринял ее подвиг. Едва ли не грубил. Вчера было настолько не по себе, что мозг предпочел забыть его слова. Но через сутки они возвратились в память и остановились в центре, мешая движению новых мыслей, создавая неразбериху, почти хаос.

Все началось три года назад, когда Катя повысила отсутствовавшую тогда еще квалификацию главной медицинской сестры, поучившись в Германии, и перебралась в собственный офис. Тяжесть новых обязанностей была почти невыносимой. Она старалась изо всех сил, но косячила ежедневно. Вроде лежит перед тобой список обязательных дел. И составляла ты его, между прочим, на каждый месяц из двенадцати годовых вместе со своей матерой предшественницей. В том, что та передавала тебе дела и опыт честно, сомнений нет. Сама говорила: «Если получаться не будет, вы, Екатерина Анатольевна, начнете утверждать, будто я плохо работала. И быстро убедите в этом руководство. Всегда во всем виноват тот, кого уже нет. Кто не может оправдаться. А я трудилась как проклятая. Пришла в только что построенное здание и оснащала кабинеты, палаты, склад. Набирала персонал. Вас, между прочим, взяла в хирургию. Ждала, пока выучитесь на рабочем месте. Создавала нынешний порядок. Да, мне кажется, что вам рано доверять руководство в масштабах клиники. Начали бы старшей сестрой в каком-нибудь отделении, показали, чем вы лучше других. Но ведь все бредят омоложением коллектива, всем нужна длинная перспектива. Ладно, я все сделаю, чтобы даже распоследняя тупица не смогла угробить мое детище. Так что слушайте, внимайте и записывайте. С этим конспектом вам делать будет нечего. Царствуйте, лежа на боку, как говорится».

Любая преемница разозлилась бы. Ну, работала ты по

контракту за хорошую зарплату, за премии. Тянула на свою должность, поэтому и не уволили. Наверняка не одной тебе, всей команде пришлось тяжело. В чем доблесть? Лучше бы рассказала, интересно тебе было? Чувствовала себя незаменимой, умелой, сильной? Нравилось самой оснащать, набирать, создавать? Вот уйдешь и будешь перечислять свои заслуги друзьям, если они есть, и родственникам. А им быстро надоест слушать одни и те же воспоминания. Так заткнись, не намекай, что твое место предложили распоследней тупице. Как-нибудь справиться можно. А если нет, ее выставят вон. И тебя это касаться уже не будет... Трифонова имела право думать так, но не пыталась внутренне огрызаться. Тогда ее уже не волновали чьи-то оценки. Она доверяла себе. И конспектировала лекции без пяти минут пенсионерки исто-во. Но нет-нет да подумывала: «Все-таки главное слово для этой начальницы – «царствуйте». Совсем люди берегов не видят».

Все усилия оказались напрасными. На совещаниях ей накидывали поручения, о которых бывшая главная даже не упоминала. Подчиненные не бросались со всех ног выполнять указания молодой руководительницы, чаще отмахивались, дескать, текущих дел много. Если настаивала, обижались. Лекарств, которые она внимательно приняла по описи, почему-то не оказывалось в шкафах, зато там были другие, непонятно откуда взявшиеся. Расходные материалы для оборудования кончались стремительно, хотя заявки казались

прежними. Трифонова сообразила, что чужое детище неизбежно погибнет. Надо было лепить и оживлять собственное. Она уходила домой только на ночь, изумляя вторую смену и дежурный персонал поздними набегам в отделения. Блокнот с конспектами лекций пенсионерки убирался все дальше, а потом оказался в мусорной корзине – там не было нужных сведений. Трифонова решила двинуть куда-нибудь за знаниями самостоятельно.

Оказалось, чтобы выучиться на главную медсестру, надо иметь высшее медицинское образование. Катя глазам своим не поверила. Какой смысл дипломированному врачу еще несколько лет очно изучать организацию здравоохранения на среднем уровне? Разве что предполагались небывалые всходы и расцвет частных клиник, в том числе иностранных? Они начнут возникать в громадных количествах, а у нас уже шибко ученые специалисты готовы? Но условий-то для этого не создали. Открытые лет десять назад учреждения вполне обходились Катями Трифоновыми, а тем набраться ума-разума было негде.

Только выпускница провинциального медучилища не умела сдаваться – и продемонстрировала это уже в первый год московской жизни. Так что на одиннадцатом году поражение было исключено. И еще девушка отлично помнила, как Мирон Стомахин делал ей предложение. Мальчик не скрывал – его родные будут против: «Не из-за того, что ты медсестра. Мои уважают любой труд, принимают любое на-

чало карьеры. Но они никогда не поймут, почему ты остановилась, не стала учиться дальше». – «Мне нравится моя профессия», – удивилась Катя, которая не думала, что его слова могут ее задеть. Но задели, еще как. «Они тоже ничего против самой профессии не имеют. Им подозрителен человек, который добровольно остановился в развитии», – мягко объяснил Мирон. И вот, пожалуйста. Трифонова собралась развиваться дальше, но уперлась в крепкую стенку. Она вообразила малосимпатичные осуждающие физиономии богатых Стомахиных, дескать, учиться надо вовремя, недалеко лентяйка. Это было легко, потому что Катя никого, кроме Мирона, никогда не видела. Ее передернуло от отвращения. «Двадцать первый век на дворе, какого лешего я вспоминаю унижительную чушь», – раздраженно подумала она.

И начала искать зарубежные дистанционные образовательные программы. Нашла одну американскую трехгодичную, сулившую дипломы главных медсестер тем, кто блестяще одолеет все задания и тесты. Путеводной звездой остальным тускло светила бумажка о прохождении и окончании. Слова «американская» и «блестяще» не сочетались в ее голове. Упрямая Трифонова стиснула зубы и принялась внимательно заполнять длинную анкету. Обучение было платным, но так, по-божески. Катя простояла у операционного стола несколько лет за зарплату, которая и не снилась ей в поликлинике. Снимала не квартиры, а комнаты. Экономила на чем только можно и на чем в ее возрасте не стоило бы то-

же. Кроме того, после нападения Кирилла она целый год почти ничего не ела. В общем, все свои тогдашние сбережения, благоразумно хранимые в долларах, Трифонова перечислила за полный курс. Такая серьезная решимость дойти до конца была вознаграждена ощутимой скидкой. Расставаться со всей суммой было тревожно – вдруг нарвалась на каких-нибудь международных мошенников. Но когда цены на нефть обвалились и валюта дико подорожала, Катя сказала себе, что иногда рисковать полезно.

Она полагала, что неплохо знает английский. И на курсах изучала медицинскую лексику, и Александрина ее натаскивала в разговорном языке. Но оказалось, что перед консультацией по скайпу с университетским преподавателем нужно перелопатить кучу научной литературы, в которой черт сломит ногу. Читать и каждые три минуты переключаться на электронный словарь было утомительно. Пытаться сразу запомнить новые слова и выражения тоже. Но смысл переведенных фраз в начале занятий Катя разумела. То, что в их медучилище неплохо преподавали, выяснялось страшной ценой. Но тогда были основы. Позже пришлось требовать у консультанта дополнительные списки: отечественный и американский подходы к лечению, уходу и организации работы персонала разительно отличались друг от друга. Куратор Трифоновой был в восторге от любознательной студентки. Лишнего времени на нее не тратил, но хвалил и подбадривал. Ей это не льстило.

Первый год был адом. Катя иногда думала, что, продираясь сквозь иностранные дебри, расплатилась за все свои грехи не одну сотню раз. Она поздно возвращалась из клиники, где с маниакальным упорством насаждала свой порядок в отчетности и подаче заявок. А потом еще несколько часов самозабвенно училась. Не из интереса. Просто отвлекаться не стоило – мозг норовил забыть чужие слова мгновенно и думать по-русски. Выходные перестали существовать. Отпуск тоже. Иногда она плакала и клялась все бросить. Но вспоминала рассуждения сноба Мирона о дефективных личностях, которые отказываются непрерывно расти, и твердой рукой включала компьютер.

На второй год стало чуть легче. Времени уходило не меньше, однако Катя начала различать систему в подборе изучаемых тем и логику в экзаменационных вопросах. Да и словарь ей уже не был нужен – большинство статей и монографий писались одинаковыми словами. Что-что, а научную медицинскую литературу по-английски Трифонова начала читать свободно.

Третий год мог считаться даже увлекательным. Она уже не боялась не понять куратора и терзала его вопросами. Ей действительно всегда хотелось знать больше. В училище проигнорировать интерес студента – значило себя не уважать. Преподаватели объясняли и объясняли, радуясь, что полено на глазах строгаются информацией, без которой могло обойтись, и превращается в Буратино. А этот средневозрастной

лохматый тип запросто отсылал ее к какой-нибудь статье: «Ответ – там». Ладно, она снова читала. И снова спрашивала. Однако удовольствия не получала. Фанатичная ученица настолько переутомилась, что засыпала в секунду, когда отводила взгляд от монитора. И до сих пор продолжала отсыпаться. Даже свободы еще не ощущала.

Наконец, три дня назад курьер доставил Трифоновой большой конверт с тем самым дипломом, которым удостоивали лучших из лучших. Он был, разумеется, на английском – красивый и солидный. Катя сама перевела его на русский, сняла и заверила копию у нотариуса. И вчера пошла к главному врачу. Холеный пожилой доктор наук мог бы ее поздравить. В конце концов такое рвение было на пользу клинике. Мог спросить, как она будет применять новые знания. И Трифонова со скромной и достойной улыбкой ответила бы, что давно применяет. А он оживился бы: ну-ка, ну-ка, расскажите в деталях. Но главный с искренним недоумением произнес:

– Зачем вам это, Екатерина Анатольевна? Я вашими результатами доволен. Вы хорошо отучились в Германии, быстро набрались опыта и вполне разбираетесь, что к чему. На оплату такая серьезная теоретическая подготовка не повлияет.

– Я и не думала о надбавке, – опешила Трифонова. – Я из добросовестности, чтобы не портачить...

– Или вы собрались менять постоянное место житель-

ства? – вдруг, не дослушав, проницательно сощурился он. – И как скоро?

– Не собираюсь я ничего менять.

– Хорошо, отнесите копию в кадры, пусть добавят в личное дело...

Катю почему-то сильнее всего задел этот древний посыл в кадры, а не в HR-отдел.

И вот она сидела в кафе и мучилась: «Чего я хотела? Похвалы? Так меня не заставляли учиться. Сама все затеяла, сама выдержала, сама понимаю, что молодчина. Я, разумеется, думала, что ради клиники стараюсь. А по большому счету, делала это ради себя. Во-первых, дипломированного специалиста больше ценят, даже если начальство делает вид, что ему плевать. Во-вторых, подчиненные уважают тех, у кого есть то, чего у них не было, нет и не будет. В-третьих, работать я стала осмысленно. Не просто в своем огородке грядки поливаю и сорняки дергаю, а вижу связь со всем полем. Тьфу, противное сравнение медицины с сельским хозяйством... Это результат нашего тухлого разговора с главным. Да, именно тухлого...»

– Екатерина Анатольевна, вечер добрый. Непривычно вас видеть без халата.

Катя оторвала взгляд от пластиковой столешницы и уперлась им в крепкого парня лет сорока. В глаза сразу бросались туго кудрявые рыжие волосы. Только они примиряли женщин со слишком правильными чертами его бледновато-

го лица. Но вообще-то найти подругу ему было трудно. Понравившиеся девушки чаще всего думали, что он шутит, а то и издевается, когда называет их красавицами. И приходилось жертве совершенства довольствоваться оторвами, у которых в крови зашкаливал уровень гормонов, алкоголя или, на худой конец, сахара. В таком состоянии бабы не комплексовали. Его пора было называть не парнем, а мужчиной. Но, глядя на безумно рыжего кудрявого Аполлона, никто этого сделать не мог. Наоборот, женщины еле сдерживались, чтобы не произнести нараспев: «Мальчик».

Этот образец породы руководил технарями, обслуживающими сложнейшее медицинское оборудование клиники. Являлся раз в неделю строго в девять утра, вникал в проблемы и решал их до шести вечера. Ни на минуту раньше никогда не смылся. Изредка жестко коротко на бегу распекал своих парней. И не обращал внимания на медицинских сестер. Те в отместку прозвали его «фашистом».

– Приветствую, Николай Владимирович. Зашли поужинать? – улыбнулась Трифонова.

– Пил кофе в том углу. Вижу, вы сидите. Печальная такая. Неприятности?

– Нет, спасибо за заботу. Все на удивление нормально и спокойно. Я даже на днях получила американский диплом главной медсестры, – неожиданно для себя похвасталась Катя.

– Отлично! Поздравляю! Вы позволите? – он показал на

стул напротив.

– Конечно.

– А я учился в Германии. Вернулся домой немецким инженером. И, верите ли, в двухтысячном был нарасхват. Выбрал российское представительство инофирмы – деньги платили неплохие. И для резюме полезно, вдруг в Европу потянет. Но в кризис много сотрудников уволили, зарплату не повысили, начали гонять оставшихся в командировки по провинции. Но это еще ничего. Мои знакомые с таким же, как у меня, образованием уже несколько лет не могут найти работу по специальности. Если ее предлагают, то за оскорбительную зарплату. Они говорят: «У нас же качественные дипломы, знание языков, имеем преимущества». А им отвечают: «Какие преимущества? Мы с заграницей в контрах, у нас сплошное импортозамещение. Так что забудьте про свои дурацкие бумажки и идите, куда пока еще зовут».

– Вы знаете, я как раз сегодня была вынуждена объясняться с посетителем по поводу сокращения разрешенных импортных лекарств, – закивала Катя. – Надо же, оказывается, и вам трудно.

– А кому сейчас легко? – рассмеялся Николай Владимирович. – Екатерина Анатольевна, вы уже собираетесь? Давайте подвезу. Где вы живете?

– Спасибо, Николай Владимирович, я пешком. Мне недалеко.

– Я вас провожу, а потом вернусь за машиной. И, если

можно, называйте меня Колей. А то мне кажется, что я до сих пор в офисе.

– Тогда вы меня Катей. Только договоримся сразу, эта вольность не распространяется на клинику.

– Порядки у вас драконовские, Катя.

– По-моему, так и надо. Дисциплинирует... Коля.

И они зашагали рядом, подгоняемые добродушным сентябрьским ветром. Говорили про многострадальный центр, наперебой перечисляли его беды. Вскоре Трифонова остановилась перед закрытыми воротами в свой двор.

– Пришли.

– Это работа поближе к дому или дом поближе к работе? – бодро спросил Коля.

Катя не ответила. Ему рано было выяснять, снимает она квартиру или живет в собственной. Провожатый и не рассчитывал на откровенность. Его занимало кое-что еще.

– Вот так и разъедемся скоро со своими дипломами – вы в Америку, я в Германию. Но пока мы оба здесь, совершим еще прогулку? Я в клинике по пятницам, сами знаете. Если буду ждать после работы у главного входа, мимо не пройдете?

– Вы ухитрились не дать повода, Коля. Но лучше встретимся в «Кофе Хауз», как сегодня. До свидания.

– Счастливо, Катя, – он развернулся и пошел назад, тактично не дожидаясь, когда она наберет код.

«Ну и день, – подумала Трифонова. – Два парня захоте-

ли продолжить общение. Один, скорее всего, уже забыл об этом. У второго именно в следующую пятницу возникнут неотложные дела. Позвонит, извинится, и все. Он не зря оговорил вторую прогулку, а не серию прогулок. Даже обидеться не на что. Но ведь оба предложили. Неужели у меня на лице написано: «Квартира есть. Карьера есть. Даже американский диплом есть. А любви нет. Рассмотрю любые варианты. Раз, два, три, начали!»

Как ни странно, она была права. Не открытым текстом, разумеется, но глаза ее выдавали. Они были растерянными, будто Катя в толпе пыталась спросить дорогу, но стеснялась тронуть прохожего за рукав. В сочетании с ее обычным хладнокровием это будоражило чутких мужчин.

Трифонова вошла в дом. Постояла под душем. Приготовила яичницу с помидорами, достала из холодильника большое зеленое яблоко. Поужинала. Вымыла посуду. Заварила чай. Осторожно, как кораблик в лужу в детстве, выпустила в чашку тонкий кружок лимона. Ему было тесно, он сразу встал на прикол. Девушка вдохнула горячий цитрусовый аромат. Перебралась в комнату, устроилась в кресле, включила домашний ноутбук. Закрыла глаза. Обычно так она и засыпала пару последних месяцев, когда кончилась учеба. Пробуждалась за полночь, выключала комп и брела в спальню до утра. Но только не в пятницу.

В эту пору Катя развлекалась на всю выданную судьбой

катушку. Еще час-другой, и у снимающих квартиры в их доме мальчиков и девочек начнутся вечеринки. Через открытые окна в уши ползет разная музыка. И какая-то мелодия обязательно победит конкуренток, зазвучит в голове одна. Наконец, и на нее перестанешь обращать внимание, хоть десять раз она повторись. Затем на улице будет орать гуляющий молодняк. Но нетрезвые крики уже не отвлекут Катю от переписки с друзьями. Те знали, если у них ничего экстраординарного не случилось, умная подруга напишет им перед выходными. Двое мужчин пытались ее торопить, но Катя сурово заявила каждому: «Я так не могу. Мне же надо отключиться от работы и подумать, прежде чем отвечать. Ты же серьезные вопросы бросаешь в мой почтовый ящик. А если прикалываешься, иди к коллективному разуму в соцсети». Туда все, кроме нее, и так регулярно ходили. Нет, пятидесятилетний миллиардер Иван отказывался разговаривать с людьми на мусорном полигоне. Так что их с Трифоновой оказалось двое. Но были проблемы, которые и ему, и другим хотелось обсуждать не со всем миром, а с ней. Особое доверие возникло по, скажем так, пикантным причинам, но их Трифонова и не думала стесняться. Если от каждого случая физической близости с женщиной, которая не завела в ЗАГС, отрешиваться, то сначала перестанешь быть женщиной, а потом человеком.

Начала она с письма, присланного еще в среду. Выдрессированный сначала Англией, а потом Германией Петер Адам

Смит уважил ее доводы и всегда давал пару суток на раздумья. Парень ценил серьезный подход к своим немудрящим вопросам. Писал он по-английски, Катя ему тоже. Теперь ей было все равно, на каком языке общаться.

«Кэтрин, привет. Скажи, что не так с моей подружкой? Вот ты никогда не указывала мне, в какой ящик комода складывать трусы. Не ругала за заказанную пиццу. И отпускала в бар к друзьям. А Эрика учит меня всему и все запрещает. Изменила раскладку вещей, постоянно меняет, ищет какой-то алгоритм, и я не могу найти даже носки. Пиццу нельзя, а ее горячие булочки можно. Веселиться с ребятами глупо, а смешить ее подруг умно. Она ведет себя так, будто мои папа с мамой плохо справились с воспитанием сына».

«Господи, ему уже тридцать пять, когда он повзрослеет?» – усмехнулась Катя. И легко тронула податливую клавиатуру: «Привет, Петер! Что-то ты совсем приуныл. Давай разберемся в твоих проблемах спокойно и по порядку. Не думай, что меня все в тебе устраивало. Например, очень раздражало, как ты просыпался. Представь, утро, июль. Небо голубое, солнце, кажется, дом насквозь пробивает. А ты встаешь с кровати мрачный и сердитый. Делаешь десять шагов к окну, раздвигаешь прозрачные (!) занавески и долго смотришь наружу. Наконец, убеждаешься, что там ни дождя, ни снега, ни бури. Даже простенького смерча нет. И только тогда твое лицо разглаживается. Знаешь, как я боялась, что эта гримаса недовольства вызвана моим присутствием в твоей

постели? Так что и ты не идеальный, и я не слишком терпимая, – Катя остановилась и на всякий случай поставила смайлик. Петеру иногда приходилось подсказывать, когда начинать смеяться. – Теперь серьезно. Я знала, что через месяц мы с тобой расстанемся. А Эрика собирается жить вместе долго, не исключено, что всегда. Конечно, она немного «подгоняет» тебя под себя. Это нормально. И тебе не возбраняется делать то же. Или у нее нет недостатков? Учитывай еще, что мне было трудно разговаривать на иностранном языке. Часто легче было промолчать, чем выразить свою мысль. А она в состоянии с тобой объясниться на родном немецком, выкладывать все, что придет в голову по мере прихода. Так что прекрати сравнивать ее со мной. И все у вас наладится».

Она отправила послание. Отхлебнула чай. Знала, что Петер сейчас включится в диалог. Гнусное поведение Эрики, которая лучше приятеля знала, в какой именно ящик складывать выстиранные им самим трусы, было только поводом для трепа.

А началось все три года назад, когда Трифонову послали на стажировку в немецкую университетскую клинику. Тамошняя некрасивая, худая, коротко стриженная главная медсестра казалась биороботом. Она умела невероятное – ни разу не взглянув на часы, каждые пятнадцать минут своей довольно монотонной работы объяснять стажерке по-английски, чем занимается. И не через плечо на ходу, как это бывает с нашими деловыми профессионалами. Останавли-

валась, смотрела в лицо, кратко четко излагала. «Пожалуйста, не отвлекайтесь на меня так часто, – взмолилась Трифонова часа через три. – Я примерно понимаю, что вы делаете». – «Не надо примерно, надо точно», – сказала она и подняла усталые глаза. Ничего кроме усталости в них не было – ни самолюбования, ни властности, ни куража. И неожиданно для себя Катя тихо произнесла: «Спасибо». Ходячий комп развернулся и понесся дальше, наверстывая минуту, потраченную на лишние фразы.

Окружающий мир пригвоздил Трифонову к неуютному состоянию, именуемому шоком. И не ее одну. Впервые оказавшиеся в Берлине соотечественники мгновенно распознавались по недоумевающим и почему-то очень злым лицам еще до того, как открывали рты. Но Катя адаптировалась быстро и легко. На пятый день спросила себя: «Тебе здесь нравится? Только честно...» И ее внутренний голос, не дослушав, по-детски по-простому завопил: «Ой, очень! Крутой город! Приветливый и ненавязчивый!»

Однако и в нем без кошмаров не обошлось. Дело в том, что ее поселили в общежитии. Здание было старым, приземистым, с толстенными стенами. Но внутри блестело свежей краской, новым ламинатом и хромом мебельных ножек. Комнаты на четверых. Туалеты – мужской и женский. А вот душ выбивал из колеи сразу и надолго. Два ряда кабинок разделяла перегородка чуть выше среднего человеческого роста. Мальчики направо, девочки налево. Но предбанник с

раковинами был общим. И ум заходил за разум, когда разно-
полые люди со свежевымытыми волосами в махровых хала-
тах и шлепанцах стояли рядом вдоль зеркал. Кто-то брился,
кто-то красил ресницы тушью, кто-то умывался. Катя входила
и еле сдерживала хохот. Остальные были серьезны и приветливы.

Студенты разъехались на каникулы. Их места занимали
иностранные стажеры и абитуриенты, бившиеся лбами о
твердыню подготовительного курса. Трифонова соседство-
вала с двумя китайками, которые общались только между
собой на своем языке. При этом они беззастенчиво подолгу
разглядывали всех и каждого. И еще с девушкой из Чехии,
которая общалась с собственными фантазиями молча. Это
была комната мечты – никто никого не беспокоил. Но по но-
чам девчонки сопели, похрапывали, ворочались. Катя опу-
кала веки, и ей чудилось, будто она силится заснуть в окра-
инной московской общежитии. И никогда ей из этого проклятого
гадюшника не выбраться. Она мало и плохо спала. Это пред-
вещало большие неприятности.

Трифопова ужинала в симпатичном кафе неподалеку от
клиники и общежития – чисто, недорого и пиво вкусное. Од-
нажды к ней подошел длинный тощий парень с ухоженной
темной бородкой и внимательными карими глазами. Загово-
рил по-немецки и удивился, когда она по-английски сказала,
что не понимает. Катю часто принимали за местную. Види-
мо, светлые локоны и голубые глаза до сих пор самими нем-

цами воспринимались как национальный признак. На самом деле все знакомые девушке коренные жительницы были шатенками или брюнетками.

– Откуда ты? – спросил он.

– Из России, из Москвы.

– А почему сильно хочешь плакать?

Едва услышав странный вопрос, Трифонова почувствовала, что ей действительно больше всего на свете хочется рыдать и биться головой о стол. Обо что угодно, только бы забыться. Прыгающим с тона на тон голосом она рассказала о непереносимости колхозного существования. «Неловко жаловаться чужому, но я не могла остановиться, – уныло думала она, замолчав и смущенно прикладываясь к кружке. – Ладно, плевать, сменю кафешку и больше никогда его не встречу».

– Меня зовут Петер. А тебя? – снова заговорил он.

– Екатерина. Катя. Извини, что я все это вывалила, – она почти ненавидела его за свою слабость. – Мне тут общаться не с кем.

– Нет, нет, Кэтрин, обязательно надо выговориться. Тебе нужен дом. У тебя неизжитая травма. Я не психоаналитик. Но могу предоставить тебе удобную кушетку. Правда, живи у меня, пока учишься.

Мученица сообразила, что надо бежать от этого психа. Очевидно же, что маньяк. Но даже не приподнялась, будто выросла в стул. И тупо уточнила:

– Как это?

– Берешь вещи и переселяешься прямо сейчас, – доходчиво объяснил гостеприимный абориген. – Не надо больше себя мучить. Это непродуктивно.

– Мне не по карману снимать тут жилье.

– Я ничего не сдаю. Я зову тебя, приглашаю. Бесплатно, понимаешь?

Москвичка не понимала. И даже не старалась. Бесполезно.

– Ты на грани нервного срыва. Ты нуждаешься в помощи. Я готов ее оказать, – терпеливо втолковывал парень.

С Катей вдруг что-то произошло. Она словно очутилась рядом с бабушкой. Девочке шестнадцать, в нее влюблен мальчик из параллельного класса по имени Анзор. И стареющая женщина вспоминает о своем единственном контакте с темпераментными горцами. В пятьдесят девятом году, страшно сказать, прошлого века они с подружкой неделю отдыхали в Адлере. Заводские девчонки только оделись и вышли с пляжа. Их звали гулять два улыбчивых кавказца. Подружка соглашалась, бабушка отказывалась. Наконец, встала со скамейки и заявила, что уходит. Верная, казалось бы, спутница легкомысленно помахала ей рукой. А один из парней засмеялся вслед: «У, дура, дикая коза». Старушка почему-то не обижалась, а веселилась. «И чем кончилось у неди-кой?» – заинтересовалась внучка. «Они показали ей город, угостили шашлыком и проводили до дверей сарая, в кото-

ром мы ночевали. Да, еще притащили громадный арбуз. Такой спелый был, — размякла бабушка. Но сразу посуровела: — Раз на раз не приходится. Могли бы и изнасиловать, они такие». «Я вся в свою недоверчивую бабулю», — поздравила себя Трифонова. И решительно бросила:

— Надеюсь, ты не будешь ко мне приставать.

— Зачем? — удивился он. — Зачем сексуальные домогательства? У тебя будет своя спальня.

— Правильно, незачем. Идем, европеец, заберем из общежития мою сумку.

Дорогой они болтали. Петер был сыном немки и англичанина. Родители жили в Лондоне, а он в юности приехал в Берлин на экскурсию, впечатлился и остался.

— Что особенного в Берлине? — спрашивала Трифонова. — Лондон ничуть не хуже.

— Ты там была?

— Нет, но... Люди говорят.

— Иностранцы? На форумах о переездах? — догадался он. И принялся объяснять: — Эти города, как хороший костюм и хорошая футболка, Кэтрин.

— Фрак, наверное, или смокинг. И бабочка.

— Раньше да. Теперь костюм. Даже галстук по обстоятельствам. Но мне удобнее в футболке.

Петер Адам вел колонку в популярном журнале и писал сценарии для телевидения. Беззлобно ехидничал: «Присылаю легкий остроумный текст. Я же наполовину англичанин,

юмор в крови. Редактор не меняет ни слова. Дикторы читают. Получается унылая передача. Как им это удастся, до сих пор не разобрался».

Так, смеясь, Катя и перебралась из общежития в квартиру: одна комната небольшая, вторая вдвое меньше, третья втрое. И все двери выходили в крохотную прихожую. Гости не сразу заметила узкий темный коридорчик, ведущий в кухню и ванную. Поэтому успела струсить и вспомнить, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Ей не хотелось пользоваться ночным горшком, умываться из раковины и выносить помой даже на халаву. Зато, когда выяснилось, что удобства все-таки есть, квадратные метры перестали иметь значение.

– Как тебе? – заботливо спросил Петер.

– Замечательно. Жилье в прекрасном месте и такое... игрушечное, – с трудом подобрала вежливое слово Катя.

– Маленькое, да. Это великое счастье! Мне очень повезло.

Трифорова снова подумала о ловушке. Нормальный человек счастье и везение представляет себе иначе. Похоже, ее мимические мышцы неподконтрольно без устали работали. И гримасы иллюстрировали тревожные мысли. Поэтому хозяин почти с начала встречи стал растолковывать, о чем говорит.

– Кэтрин, эту квартиру мне завещал родственник. Если бы она была хоть немного больше, я не потянул бы кредит.

– То есть эта частица Берлина у тебя в собственности? –

не совсем поняла Катя. – Тогда как соотносятся завещание и заем?

– Надо платить налог на наследство. Он зависит от площади. Часто приходится продавать то, что нам досталось. Расплачиваться с государством. И, если деньги останутся, покупать скромную квартиру в скромном районе.

– А мы считаем, что вы тут живете без забот, Петер.

– А мы подозреваем в этом вас, Кэтрин.

– Слушай, я должна передохнуть от впечатлений... Где мне устраиваться?

Он пригласил в самую маленькую восьмиметровую клетушку. Трифонова подозревала, что ее селят в чулан. Вошла и чуть не завопила от радости. Такого интерьера она в жизни не видела. Возле окна как-то демонстративно стояли круглый столик на одной изящной ноге и стул с высокой спинкой. Напротив двери в глубокой нише притаился солидный платяной шкаф. Казалось, он хотел выдвинуться и занять много места, но стеснялся. Потому что на противоположной стороне красовалась узкая высокая этажерка. Ей очень шли книги в ярких суперобложках и цветок на верхней полке – какая-то темно-зеленая лиана, свисающая до пола. И, наконец, у дальней свободной стены расположилась обещанная кушетка – этакий футляр для матраса, с трех сторон огороженный низкими решетками. Судя по твердой гладкой поверхности под бордовым покрывалом, матрас был современным. Как и набор плоских подушек в таких же бордовых наволочках. Тес-

нотищи здесь в помине не было. Уюта почему-то тоже. Нейтральный характер комнатки и обрадовал Катю.

– Как здесь хорошо. Спасибо, Петер, – не выдержала она.

– Антикварная мебель, – улыбнулся он. – Надо реставрировать, но мастера дорогие. Коплю.

Трифонова теперь уже придирчиво рассмотрела все. Ног у стола, спинку стула, одну из стоек этажерки и решетку кушетки обвивал деревянный плющ. Но резьба была топорной, и вблизи листья и веточки казались грубыми и толстыми. «Не антиквариат, а старье с претензией», – решила она. И повернулась к хозяину:

– Здесь не нужен реставратор, Петер. Дерево в отличном состоянии, жучком не прошито, не трескается, не расслаивается. Ни один заостренный краешек на украшениях не поврежден. Так что мебель надо осторожно ошкурить и покрыть свежим лаком. Ну, еще есть всякие средства для консервации под лак. Продаются в обычных хозяйственных магазинах. Всего-то, поверь. Да, паркет хорошо бы подвергнуть такой же обработке. Он истертый, но между досками щелей совсем нет. Поразительное качество. А если сменить обои и покрасить потолок, рамы и дверь, то ремонт и реставрация будут закончены за пару дней. Один мой знакомый проделал нечто в этом роде в своей московской квартире. И сказал, что нанимал бригаду за несколько миллионов рублей. Все поверили.

– Разве для престижа не лучше, что он оказался способен

творчески работать руками? Деньги любой может получать в офисе, – озадачился Петер.

– У нас уже нет, – отрезала Катя. Но через секунду допустила: – Или еще нет.

– Кэтрин, я собирался оставить обои... Они крепкие...

– Сейчас много новых со старинными узорами. Может, точно такие же найдутся. Дорогие, но ведь тебе совсем немного надо.

– Я хочу эти, – заупрямился Петер.

– Ладно, покажу фокус, – кивнула Катя. – Сначала тщательно и аккуратно их пропылесосим. Разница видна сразу. Потом используем спрей для оживления цвета. Фон был почти белый и пожелтел необратимо. Зато светло-коричневые розочки станут как новенькие. Когда приступим?

– Я могу позвать друзей... – неуверенно проговорил Петер.

– Мы тут и вдвоем-то с трудом развернемся.

– Да???

– Ну конечно! – уверила Петера Катя. – Я не вижу сложности. С таким-то количеством стройматериалов у вас в магазинах.

Потрясенный Петер развел руками:

– Кэтрин, у вас в России все так просто?

– Если бы.

– Тогда в следующую субботу...

И через неделю они сделал все, как планировала гостья. К

вечеру воскресенья комнатенка преобразилась. Хозяин исполнился гордостью, купил рислинг, приготовил ужин. Они сидели на завернутом в пленку и перемещенном в гостиную матрасе с кушетки. Почему-то разговаривать не хотелось. Но парень все-таки спросил:

– Зачем ты затеяла у меня ремонт? Потратила столько времени? Могла бы гулять, отдыхать.

– Раньше я точно знала бы, что отблагодарила тебя за приют, – ответила Катя. – Но еще в кафе, когда ты пригласил меня в свой дом, стало ясно, что тебе моя благодарность не нужна. Я таких людей еще не встречала. Только слышала истории от одного человека, Андрея Голубева. Но потом выяснилось, что он их придумывал. А про своего сына Ивана рассказал правду, хотя ты не в курсе, о чем я, извини. Спасибо тебе, конечно. Но мне самой было полезно заняться мебелью и всем остальным. Понимаешь, я вдруг оказалась в ином мире. Он гораздо лучше приспособлен к жизни, чем наш. А я почему-то чувствую себя совершенно беспомощной. Вот и нашла способ доказать себе, что и здесь что-то могу. Если меня какая-нибудь сила вышвырнет из России, я просто сделаю ремонт в своем новом жилище. Схожу в магазин, куплю продукты, сварю вредный жирный борщ. Но еще не тот случай. Я пришла в себя, успокоилась. Теперь и тебе хорошо, и мне.

– Ложись сегодня в спальне, у тебя еще пахнет краской, – сказал Петер. – А я устроюсь тут, на диване. Только посу-

ду уберу. Мне действительно не нужна твоя благодарность, Кэтрин. Но это не значит, что я тебе не благодарен.

Трифонова кивнула. Однако у нее было еще одно предложение. Оно вызревало целую неделю, и его все еще трудно было сформулировать. Химическая вонь и смена спального места казались единственным шансом попытаться. Завтра матрас вернется на кушетку, остатки вина перекачуют в холодильник, и трудно будет найти повод усестись поближе к Петеру и заговорить о своем исследовательском интересе. А Катя увлеченно наблюдала парня. Знала, что и как он ест и пьет, в котором часу встает и ложится, сколько времени проводит в офисе и дома. Ничего необычного. Она слышала, что в Европе каждый таскает собственную ношу. Когда они взяли ее сумку из общаги, руки то ли немца, то ли англичанина были свободны. Тем не менее он даже не предложил донести вещи до дома. И, шагая с ним бок о бок, Катя то чувствовала себя идиоткой, то мысленно обзывала идиотом его. Когда делали ремонт, Петер сразу откликался, стоило попросить помочь. Сильный и выносливый, все делал играючи. Но, если не просить, не реагировал, хоть неподъемный шкаф в одиночку двигай. Это было уже занимательнее. Рассуждая логически, осталось выяснить, каково с ним в постели. И Катя рискнула.

– Эй, можно сказать глупость? Ты первый иностранец, с которым я близко общаюсь. И меня все больше мучит вопрос, как ты занимаешься любовью? Прости, если, с твоей

точки зрения, говорить на такие темы женщине неприлично. У нас это тоже не приветствуется. Не подумай, я не расистка, не нацистка какая-нибудь... Я медик... Анатомически все мужчины устроены одинаково... Смысл и техника полового акта не может кардинально отличаться у разных народов. Но мне все равно любопытно. Я уже не справляюсь с этим... А сегодня еще и любовалась тобой, когда ты разделся по пояс...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.